

**СОЦИАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(SOCIAL-LINGUISTIC & PHILOLOGICAL RESEARCH)**

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-10-13

УДК 81'44

**КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА
В РОЛИ НЕЙТРАЛИЗАТОРА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ АСИММЕТРИИ**

Калабекова Л.Т.

В настоящей статье предпринята попытка показать, что сравнительно-типологические разыскания, проводимые как в рамках близкородственных языков, так и на уровне языков неродственных, вскрывают тот неопровержимый факт, что в основе всех расхождений (лексической, семантической и синтаксической природы) лежат, в первую очередь, системные особенности отдельно взятого естественного языка. Нейтрализатором межъязыковой асимметрии, неизбежно возникающей между сопоставляемыми лингвосистемами, становится когнитивный подход к изучению языка. Иллюстрацией сказанному могут послужить некоторые расхождения между французской и русской языковыми системами, проявляющиеся как на грамматическом, так и лексическом уровнях: при передаче некоторых грамматических категорий или межъязыковых лексических омонимов. Когнитивный подход к изучению языка, лежащий в основе формирования межъязыковых лексических омонимов, показывает, что значения этих последних совпадают редко, а ситуация, когда объем значения такого рода лексики имеет существенные различия, является довольно стереотипной и нейтральной.

В практике перевода, опирающегося на всевозможные проявления соотношений между разными лингвокультурами, достаточно частотной становится ситуация, когда для передачи какой-либо грамматической категории, не имеющей формального аналога в другой языковой системе, выбор средств иного уровня – уже не грамматического, а лексического или даже синтаксического – оказывается попросту неизбежным.

Ключевые слова: *контрастивная лингвистика; категориальное значение; функциональные различия; межъязыковая асимметрия; когнитивная функция языка.*

THE COGNITIVE FUNCTION OF THE LANGUAGE AS A NEUTRALIZER OF INTERLINGUAL ASYMMETRY

Kalabekova L.T.

The article deals with an attempt to show that the comparative-typological researches, conducted in the framework of closely related languages and at the level of unrelated languages, reveal the irrefutable fact that, first of all, the system features of a single natural language lie in the basis of all the differences (lexical, semantic and syntactic). The neutralizer of the interlingual asymmetry that inevitably appears between the compared linguistic systems becomes a cognitive approach to language learning. It may be illustrated by some discrepancies between the French and the Russian language systems that appear on the grammatical and lexical levels transferring some grammatical categories and interlingual lexical homonyms. The cognitive approach to language learning that lies in the basis of the formation of some interlingual lexical homonyms, shows that their values are rarely the same, and the situation where the amount of the value of this kind of vocabulary has significant differences, is quite stereotyped and neutral.

In the practice of translation, based on the various manifestations of the relations between the different linguistic cultures, a situation becomes enough frequency where the choice of meanings of different level – not grammatical, lexical or syntactic – is simply inevitable to transfer of any grammatical category, which has no formal counterpart in another language system.

Keywords: *contrastive linguistic; categorical meaning; functional differences; interlingual asymmetry; cognitive function of the language.*

Объектом сопоставительного анализа, как известно, могут стать единицы любого языкового уровня: фонемы, слова, грамматические явления или даже целый отрывок текста [5, с. 9-10]. Однако не следует забывать, что любое сопоставление станет результативным лишь при условии соблюдения одного строгого логического требования – сравнимости объектов. «Сравнивать следует только однородные понятия, которые отражают однородные предметы

и явления объективной действительности». Ведь практически бесполезно сравнивать такие, например, понятия, как «лед» и «гипотенуза», «чернила» и «храбрость» и т.д. Нецелесообразность такого рода сравнения давно известна в народе и отображена в известной народной поговорке: «не сравнивайте пуды с аршинами» [9, с. 498].

Сравниваемые предметы должны принадлежать к одному естественному или логическому классу, а признак, по которому они сопоставляются, должен быть существенным и относиться к числу свойств, формирующих качественную определенность этих предметов... Свойство, по которому сопоставляются объекты, образует основание сравнения. Если за основание сравнения принять, например, цвет, то сравнимыми будут все предметы, доступные непосредственному визуальному наблюдению, а несравнимыми – предметы ненаблюдаемые ...» [4, с. 6-7]. В подобных случаях мы имеем дело с сопоставлением однотипных явлений в разных языках, когда в своем подавляющем большинстве эти объекты уже подвергались, как правило, изучению в соответствующих отдельно взятых языковых культурах. Соглашаясь, однако, с тем, что реальное созерцание окружающей действительности играет немаловажную роль в ее постижении и категоризации, хотелось бы обратить внимание на не совсем корректное преувеличение данного фактора (реального созерцания) как одного из способов изучения сопоставляемых объектов. Дело в том, что в приведенном мнении отчетливо слышатся отзвуки релятивистских суждений, которые не считаются с такими данными, как наш запас знаний о предмете, научная и бытийная компетенция, приобретенные обществом и каждым индивидом культурные знания, представления, навыки [8, с. 26].

Целью контрастивного анализа может стать описание языков в рамках типологических исследований, однако этот метод может быть ориентирован на перевод и на прикладную дидактику. Контрастивная лингвистика утверждает себя как одна из наиболее ярких и эффективных форм связи между фундаментальной лингвистикой и прикладными аспектами языкознания. Контрастивный анализ вовлекает в сферу своего притяжения самые различные узкие направления, формирующие в науке о языке самостоятельные разделы: этнолингвистику, социоллингвистику, коллоквиалистику, психоллингвистику, лингвистическую семиотику и некоторые другие. Вместе с тем этот метод снабжает богатым исследовательским материалом такие области науки, как типология, лингвопедагогика, теория перевода, теория текста, лексикография.

Следует помнить и о том, что контрастивная лингвистика возникла, прежде всего, как контрастивная грамматика и продолжает оставаться преимущественно в пределах этой последней. Вместе с тем если не ограничиваться сравнением лишь грамматических парадигм и грамматических способов импликации категориальных значений, а сопоставлять также функции и

функциональные различия форм, категорий и целостных парадигм в отдельных языках, тогда сразу же станет ясно, что контрастивная грамматика не может быть только грамматикой в узком смысле этого слова. Преодоление неизбежно возникающих трудностей при сопоставительном изучении разносистемных языков обеспечивается двумя приемами: либо грамматика привлекает к анализу единицы других уровней языка, расширяя таким образом сферу своей активности [10, с. 71], либо контрастивный метод проецируется на постижение языковых элементов неграмматического порядка, поскольку известно, что сходные или даже идентичные явления в системной организации двух отдельно взятых языков не всегда оказываются в рамках одних и тех же областей структурирования: то, что в одной языковой системе находит грамматическое воплощение, в другой может выражаться лексически или даже средствами фонетики.

Контрастивный подход к исследованию грамматических категорий в рамках как близкородственных, так и неродственных языков *a priori* обеспечивается богатым эмпирическим материалом, служащим базой для лингвистического анализа. Сравнительно-типологические разыскания, проводимые как в рамках близкородственных языков, так и на уровне языков неродственных, вскрывают тот неопровержимый факт, что в основе всех расхождений (лексической, семантической и синтаксической природы) лежат, в первую очередь, системные особенности любого отдельно взятого естественного языка. Нейтрализатором межъязыковой асимметрии, неизбежно возникающей в таких случаях, становится когнитивный подход к изучению языка. Иллюстрацией сказанному могут служить некоторые расхождения между французской и русской языковыми системами, проявляющиеся и на грамматическом и лексическом уровнях. Приведем классический пример. Общеизвестно, что французский артикль не имеет аналога в русском языке. Весь комплекс значений, «вбираемый» в себя данной грамматической категорией, находит неоднозначное языковое воплощение в русской лингвосистеме. Так, например, французский неопределенный артикль множественного числа *des* при существительных, имеющих указание на некоторую протяженность во времени, передается на русский язык, как правило, посредством прилагательных соответствующей семантики, т.е. в полном соответствии с временной семой этих существительных, отягощенных такими конкретными представлениями о времени, как длительность, продолжительность [11, с. 24]. Сравним:

Beaucoup de couples vivent en concubinage. S'ils décident de se marier après des années de vie commune, ils n'en font pas un événement [15, с. 5]. – Много семей живет в гражданском браке. И если, после долгих лет семейной жизни, они решают пожениться, то они не делают из этого какого-то особого события. Или еще:

Voilà des années que le pouvoir d'achat des instituteurs est coiffé du bonnet d'âne et que le budget de l'Education nationale est au piquet [6, с. 81]. – Вот уже многие годы покупательная способность преподавателей оставляет желать лучшего, а бюджет Министерства образования «загнан в угол».

Нетрудно заметить, что отсутствие артикля в системе русского языка компенсируется появлением в тексте перевода дополнительных лексических элементов, а именно: то, что во французском тексте выражено грамматически (словоформой), в русском передается лексически. Однако в каких-то других случаях, отсутствие грамматической категории артикля в русской лингвокультуре влечет за собой изменение синтаксической структуры всего высказывания. Так, в частности, если сопоставить два предложения: *La femme est sortie de la chambre* и *Une femme est sortie de la chambre*, то совершенно очевидным становится тот факт, что во втором высказывании французский неопределенный артикль выполняет функцию *moyen de mise en relief*. На русский язык выделительная функция французского неопределенного артикля *une* передается посредством перемещения смыслового центра (ремы) в конец предложения. Сравним: *Женщина вышла из комнаты – Из комнаты вышла женщина* [6, с. 23-25]. Разумеется, данная возможность передачи французского неопределенного артикля отнюдь не является универсальной. Иначе говоря, при всей закономерности ее применения она, ни в коей мере, не должна восприниматься как практическое «правило без исключений».

В переводческой литературе утвердилось мнение о том, что любой переводный текст всегда превышает по своему объему, в той или иной степени, исходный текст. Расширение объема текстовой информации в процессах перевода является общепризнанным фактом. Экспликацию этого явления следует искать в желании переводчика быть понятным для реципиента. Переводчик предпочтет, скорее, внести какие-либо добавления для большей ясности, чем опустить что-либо, – но уже для большей простоты. В то же время в некоторых случаях переводный текст можно «сжать» за счет: 1) высвобождения его от ряда слов, содержащих второстепенную информацию; 2) упрощения синтаксической структуры высказывания; 3) свертывания словосочетаний в слово и т. д. Между тем упомянутый метод действует далеко не во всех случаях. Бывает и так, что данная закономерность «наталкивается» на системные особенности языка перевода, не позволяющие «свернуть» высказывание и не допускающие простого перечисления качественно разных понятий без дополнительного лексического комментария, который становится в данной ситуации строго необходимым. Убедительной иллюстрацией сказанного представляется перевод следующего текстового отрывка. Сравним:

Etre metteur en scène, c'est être psychologue, diplomate, comptable, technicien, patient, autoritaire, souple, énergique, menteur, sincère, sportif, intellectuel, peintre, écrivain, cultivé si possible, grand voyageur et capable de survivre deux mois dans un espace confiné. La tête et les jambes et le coeur en plus [13, с. 176]. – *Быть кинорежиссером – это значит быть психологом и одновременно дипломатом, разбираться в бухгалтерии, «быть с техникой на ты», быть терпеливым, гибким, но по необходимости и авторитарным, быть энергичным и физически сильным, честным, но если нужно уметь лукавить, быть немного художником, немного писателем, быть интеллектуалом и, по возможности, образованным, быть большим любителем путешествий, но и суметь выжить два месяца в закрытом пространстве. Кроме того, кинорежиссер должен иметь холодную голову, быстрые ноги и горячее (отзывчивое) сердце.*

Как видим, объем переводного текста увеличился вдвое. И все дело в том, что русская языковая система стремится к большей конкретизации явлений и фактов, чем французская и, следовательно, требует более детального выражения мысли. Можно предположить, что именно этим обстоятельством и продиктовано появление в переводном тексте дополнительных лексических компонентов, приводящих к расширению объема переводимого материала. На особенность французского языка описывать лишь контуры ситуации, когда детали проявляются при анализе всей фоновой информации в целом, обратил самое пристальное внимание известный франко-швейцарский лингвист Ш.Балли, сопоставляя французский язык с немецким. Упомянутая закономерность, замечает ученый, проявляется при отборе типов номинации и синтаксических структур, участвующих в организации высказывания [1, с. 73].

Когнитивный подход к изучению языка лежит и в основе формирования межъязыковых лексических омонимов, значения которых совпадают редко, а ситуация, когда объем значения этих последних имеет существенные различия, является достаточно стереотипной и нейтральной. Так, например, русское существительное *детектив* является эквивалентом французского *détective* (в значении *сыщик* – «*personne chargée d'enquêtes policières*»). Однако русское *детектив* имеет и второе лексикографическое толкование – «любые литературные произведения или кинофильмы, изображающие похождения сыщиков». И это второе значение не зафиксировано за французским словом *détective*. Аналогичное явление прослеживается и при сопоставлении значений французского существительного *estrade* – «*plancher élevé de quelques marches au-dessus du sol ou du parquet*» [14, с. 822] и его русского эквивалента *эстрада*, который, помимо уже приведенного значения («возвышение для исполнителей, выступающих перед публикой»), обладает дополнительной семой, не свойственной французскому слову *estrade* – «вид исполнительского искусства». В некоторых случаях значения межъязыковых лексических омонимов

выступают как эквиваленты лишь в качестве самостоятельной языковой единицы. Однако их значения тотчас же расходятся, как только последние становятся одним из компонентов устойчивого словосочетания. Сравним: *Оригинал – original*, но *читать в оригинале – lire dans le texte*; *минута – minute*, но *в настоящую минуту – à (en) ce moment* [7, с. 1082, 702].

Есть необходимость упомянуть, что проблема семасиологических соответствий между словами разных языков разработана недостаточно. Впервые попытка классифицировать и описать типы межъязыковых семантических оппозиций между значениями слов различных языковых систем была предпринята Р.А. Будаговым на материале близкородственных языков. Классификация, предложенная ученым, строится как на функциональном, так и на понятийном подходе и обусловлена необходимостью двустороннего анализа в семасиологии: от слов в их многообразных и нередко противоречивых значениях к понятиям и от этих последних к способам их же передачи в языке и речи. Исследователь, в частности, утверждает, что межъязыковая классификация по понятийным признакам оказывается гораздо более универсальной, чем классификация функциональная. Если эта последняя группирует, прежде всего, факты родственных языков, то первая – факты не только родственных, но и неродственных языков. Если лексические корреляции между неродственными языками – это результат общих типологических схождений, то лексические соответствия, как и лексические несоответствия, между родственными языками, выступают как проблема исторически и лингвистически гораздо более конкретная и очевидная [3, с. 229-253]. Сопоставительная лингвистика дает необходимый материал для типологии, тогда как типология предоставляет сопоставительной лингвистике средства объяснения соответствующих сходств и различий [5, с. 7]. Эта идея была сформулирована предельно ясно еще Бодуэном де Куртенэ: «Мы можем сравнивать языки совершенно независимо от их родства и от всех исторических связей между ними. Подобного рода сравнения языков служат основанием для самых обширных лингвистических обобщений как в области фонетики, так и в области морфологии языка и, наконец, в области «семасиологии» или науки о значении слов и выражений» [2, с. 17].

Все сказанное свидетельствует в пользу того, что когнитивная функция языка выступает в роли нейтрализатора межъязыковой асимметрии, неизбежно возникающей при передаче некоторых грамматических категорий или межъязыковых лексических омонимов, значения которых совпадают редко, а ситуация, когда объем значения этих последних имеет существенные различия, является достаточно стереотипной и нейтральной.

В практике перевода, опирающегося на всевозможные проявления соотношений между разными лингвокультурами, достаточно частотной становится ситуация, когда для передачи

какой-либо грамматической категории, не имеющей формального аналога в другой языковой системе, выбор средств иного уровня – уже не грамматического, а лексического или даже синтаксического – оказывается просто необходимым [12, с. 179].

Список литературы

1. Балли Ш. Язык и жизнь. [Пер. с франц.]. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. 232 с.
2. Бодуэн де Куртене И.А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 387 с.
3. Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. – М.: Добросвет, 2000. 304 с.
4. Воркачев С.Г. Эталонность в сопоставительной семантике // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. Вып. 25 / Под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. – М.: Макс Пресс, 2003. С. 6-16.
5. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. С. 5-17.
6. Гак В.Г. Теория и практика перевода. – М.: Интердиалект, 1999. 455 с.
7. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь: Изд. 6-е стереотип. – М.: Русский язык, 2001. 1195 с.
8. Калабекова Л.Т. Грамматический вид в разноструктурных языках: внутрикатегориальные и межкатегориальные взаимодействия (на материале французского, русского, осетинского языков): Дис. ... д-ра филол. наук. – Владикавказ, 2013. 346 с.
9. Кондаков Н.И. Логический словарь справочник. – М.: Наука, 1971. 656 с.
10. Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение / Пер. с нем. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. С. 63-81.
11. Кузнецова И.Н. Сопоставительная грамматика французского и русского языков. – М.: Нестор Академик, 2009. 271 с.
12. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
13. Abry D. Chalaron M.-L. *A propos de...* Manuel de FLE. – Grenoble: PU de Grenoble, 1992. 252 p.
14. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris: Dictionnaires Le Robert, 1993. 2492 p.
15. Laloï J. *Le vin d'honneur...* // La langue française. – М.: Первое сентября, 2002. décembre.

References

1. Balli Sh. Jazyk i zhizn' / Per. s franc. – M.: Jeditorial URSS, 2003. 232 p.
2. Bodujen de Kurtene I.A. O smeshannom haraktere vseh jazykov // Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju: V 2 vol. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. Vol. 1. 387 p.
3. Budagov R.A. Jazyk i rech' v krugozore cheloveka. – M.: Dobrosvet, 2000. 304 p.
4. Vorkachev S.G. Jetalonnost' v sopostavitel'noj semantike // Jazyk, soznanie, kommunikacija: Sbornik statej. Vyp. 25 / Pod red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotova. – M.: Maks Press, 2003. Pp. 6-16.
5. Gak V.G. O kontrastivnoj lingvistike // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XXV. Kontrastivnaja lingvistika. – M.: Progress, 1989. Pp. 5-17.
6. Gak V.G. Teorija i praktika perevoda. – M.: Interdialekt, 1999. 455 p.
7. Gak V.G., Ganshina K.A. Novyj francuzsko-russkij slovar': Izd. 6-e stereotip. – M.: Russkij jazyk, 2001. 1195 p.
8. Kalabekova L.T. Grammaticeskij vid v raznostrukturnyh jazykah: vnutrikategorial'nye i mezhkategorial'nye vzaimodejstvija (na materiale francuzskogo, russkogo, osetinskogo jazykov): Dis. ... d-ra filol. nauk. – Vladikavkaz, 2013. 346 p.
9. Kondakov N.I. Logicheskij slovar' spravochnik. – M.: Nauka, 1971. 656 p.
10. Koseriu Je. Kontrastivnaja lingvistika i perevod: ih sootnoshenie / Per. s nem. // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XXV. Kontrastivnaja lingvistika. – M.: Progress, 1989. Pp. 63-81.
11. Kuznecova I.N. Sopostavitel'naja grammatika francuzskogo i russkogo jazykov. – M.: Nestor Akademik, 2009. 271 p.
12. Fedorov A.V. Osnovy obshhej teorii perevoda. – M.: Vysshaja shkola, 1983. 303 p.
13. Abry D. Chalaron M.-L. A propos de... Manuel de FLE. – Grenoble: PU de Grenoble, 1992. 252 p.
14. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris: Dictionnaires Le Robert, 1993. 2492 p.
15. Laloi J. Le vin d'honneur... // La langue française. – M.: Pervoe sentjabrja, 2002. décembre.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Калабекова Людмила Тазретовна, доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей факультета иностранных языков

*Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, д. 46, г. Владикавказ, РСО-Алания, 362025, Россия
e-mail: kalabekova@list.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kalabekova Liudmila Tazretovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages for Nonlinguistic Specialties, The Faculty of Foreign Languages
*North-Ossetian State University after K.L. Hetagurov
46, Vatutin Street, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia, 362025
e-mail: kalabekova@list.ru*